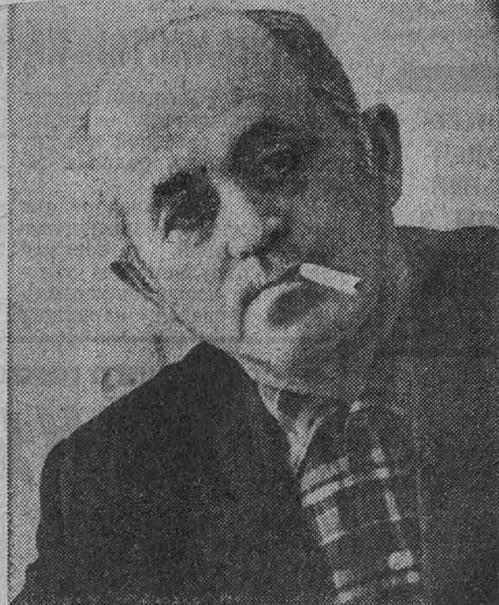

НА ПОРОГЕ НОВОЙ ПЬЕСЫ

В гостях у свердловских литераторов — членов секции драматургии областной писательской организации побывал недавно известный драматург Игнатий ДВОРЕЦКИЙ. Предлагаем вниманию читателей запись беседы с ним.

— Вы пришли в драматургию из прозы. Скажите, пожалуйста, как совершился этот переход?

— Драматургия как род литературы отнюдь не является чем-то исключительным. И нет водораздела между драматургией и прозой. Потому нередко наши драматурги остаются и прозаиками. Основа творчества едина...

Другое дело, что в драматургии есть свои законы «невидимки». И постигать их приходится эмпирически. Помню, как рождалась моя первая пьеса.

Я неоднократно бывал в Братске, писал о стройке в «Новый мир», «Знамя». И как-то рассказал писателю А. М. Борщаговскому о человеке, с которым познакомился в Братске и которого полюбил. Это был один из руководителей строительства. Рассказал о его жизни, работе, проблемах, с которыми он сталкивается. Александр Михайлович выслушал мой рассказ и говорит: «Это же пьеса!» А я отвечаю: «В жизни пьес не писал...»

Поговорили мы, а на следующее утро — звонок из одного театра. Меня приглашают на беседу и затем, уже в театре, предлагают договор на пьесу. Но решился я не сразу. А потом все-таки взялся за работу. Так родилась «Трасса».

Она была поставлена несколькими театрами. За каждую строчку я дрался как лев — мне казалось, что ничего в пьесе ни изменить, ни, тем более, выбросить нельзя. Но вот через несколько лет я снова увидел «Трассу». И понял, что одна сцена — абсолютно лишняя. Значит, прав был режиссер, который просил меня в свое время убрать ее, и я зря упорствовал...

Сейчас же, когда к «Трассе» вновь вернулся интерес постановщиков, я сократил пьесу на 20 страниц, убрал из нее трех героев...

Но прошло пятнадцать лет, прежде чем я научился делать это с собственными пьесами. Наверное, я могу оценить свою работу лишь с временной дистанции: ведь когда речь идет о новых пьесах, я по-прежнему дерусь за каждую строчку.

— Что, на ваш взгляд, должно непременно содержать каждое драматургическое произведение?

— Элемент неблагополучия, причем такого неблагополучия, которое не может не вызвать к себе сочувствия.

В практике драматургии есть примеры, когда сочувствие является не элементом, а душой всей пьесы — настолько оно сконцентрировано. Вспомните «Сирано де Бержерака». Если бы у героя пьесы был обычный, нормальный нос — и самой пьесы, на мой взгляд, не было бы...

Я долго готовился к работе над пьесой «Мужчина 17 лет». Ходил по школам, добрался до математического интерната, где учатся ребята из близлежащих к Ленинграду северных областей. Со многими познакомился, многое узнал, а пьесу начать не мог. Бился, бился, и говорю учителю, который меня опекал: «Нет, видно, ничего не получится». И тогда он вспоминает: «Знаете, я про одного парнишку вам забыл рассказать»...

И сообщил такую историю. Мальчик этот — очень способный, гордость интерната: он, школьник, сумел сделать небольшое открытие в области математики. Специалисты ахнули, научные журналы об открытии писали. А пошел мальчик в биологию. Причина? Был он очень маленького роста, и мучился этим. Вот и решил изучать гипофиз — подумал, что себе уже не поможет, но думал о других...

Этот мальчик — в пьесе он назван Козликом — и дал ей толчок. Ибо возникло сочувствие, исходящее от неблагополучия.

— А как эти ваши драматургические принципы преломлены в «Человеке со стороны»?

— Мне кажется, сочувствие к Чешкову должно возникнуть сразу же, с первых реплик. Зрители узнают, что над этим человеком тучи сгущены до предела: им почему-то разгневано начальство, ему грозят выговоры, говорят «не прощу»...

Люблю ли я Чешкова? Нет. Но я уважаю его и ему сочувствую.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Только что состоялась премьера моей пьесы в театре имени Ленсовета. В центре ее вопросы права, разговор о том, что вернуть право для судьбы не всегда легко и просто. Справедливость сама не восторжествует, и чтобы это произошло, юрист должен не только хорошо знать законы, но и применять их творчески. А творчество здесь может быть одухотворено лишь одним чувством — настоящей любовью к человеку.

Непосредственные же мои планы связаны с созданием пьесы, затрагивающей близкую моему сердцу промышленную тематику. В общем-то, этим и вызван приезд в индустриальный Свердловск.

На снимке: И. ДВОРЕЦКИЙ.

Фото И. Пашкевича.

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК
г. СВЕРДЛОВСК